

Культурный ковчег. Часть II. Волшебная сила театра

26.06.2020

3 сентября 1941 года в Новосибирск из Ленинграда прибыл театр имени Пушкина (Александринка).

Раиса Александровна Бриллиантова, школьный учитель:

«Сам факт пребывания крупнейших столичных театров стал исключительно важным для нас. Перед нами открылся новый, высокий мир искусства. Знакомство с новыми театрами, со знаменитой ленинградской Александринкой (театр им. Пушкина) было для меня новой радостью, расширились мои горизонты. В репертуаре театра было много прекрасных пьес русской и западной классики. А какие имена!»

В составе труппы были народные артисты СССР Екатерина Павловна Корчагина-Александровская, Юрий Михайлович Юрьев, Василий Васильевич Меркурьев, заслуженные артисты РСФСР Константин Васильевич Скоробогатов, Николай Константинович Черкасов и другие. Художественным руководителем театра был не менее заслуженный Леонид Сергеевич Вивьен.

Зоя Федоровна Булгакова, заслуженная артистка России:

«Помню, с каким радостным изумлением приехавшие актеры говорили о нашем городе и о нас: «Мы думали, что тут медведи ходят по улицам, а оказалось, что здесь такая высокая культура, гораздо выше, чем в иных европейских городах страны. А какой зритель!»

Театр был «союзного подчинения» и город отвел пушкинцам лучшее театральное здание, занимаемое «Красным факелом».

Кира Ивановна Орлова, актриса театра «Красный факел»:

«Из газет мы узнали о том, что Ленинградский академический театр им. Пушкина (Александринка) после эвакуации никак не может найти себе пристанища и живет в вагонах – нигде его не принимают. Нас собрал директор театра Серафим Дмитриевич Иловайский и сказал: «Товарищи! Мы – меньший театр, чем Александринка. У него труппа гораздо больше нашей. Им очень трудно найти для себя помещение. Я предлагаю: отдадим наше здание ленинградцам, а сами временно уедем куда-нибудь по соседству. Скажем, в Кузбасс». И что же вы думаете? Мы отдали наш театр без единого ропота. Больше того, мы оставили им все декорации, оборудование, забрав с собой только мягкую утварь.

Наши квартиры вместе с обстановкой мы тоже отдали в пользование эвакуированным коллегам, забрав с собой лишь постели и одежду. Приняв ленинградцев, мы бегали к ним в наши бывшие квартиры, стремясь поудобнее устроить, подкормить, угостить».

Николай Павлович Охлопков, актер театра и кино:

«Поверьте, я никогда не видел того, что сейчас происходит в театрах и что творится с актерами. словно какая-то огромная, неизведанная еще, могучая сила вошла в них. Мелкие невзгоды, недоразумения, ссоры, обиды – все осталось позади, все исчезло...»

Конечно, т. Иловайский немного слукавил. Решение это было принято еще 30 августа на заседании обкома партии: *«1. Ленинградский театр имени А. С. Пушкина разместить в г. Новосибирске в помещении театра «Красный Факел». Театр «Красный Факел перевести в гор. Сталинск в помещение городского театра. 2. Обязать Облисполком (т. Гришина) к 30 августа 1941 года выделить необходимую жилищную площадь для размещения работников театра имени Пушкина».*

Конечно, сценическая площадка нашего «Красного факела» была значительно меньше сцены Александринки, а поскольку театр эвакуировался практически без декорационных материалов, его техническим цехам пришлось оперативно готовить их заново.

Уже через три недели после прибытия, 24 сентября Александринка представила новосибирцам поднимающий патриотический дух масштабный спектакль «Суворов» по пьесе И. Г. Бахарева и И. Б. Разумовского. Главную роль в нем исполнил известный народный артист РСФСР К. В. Скоробогатов, уже известный новосибирцам главной ролью в популярном кинофильме «Пугачев».

Спектакль со сценой взятия Берлина русской армией в 1760 году был восторженно принят новосибирцами и имел хорошую прессу.

Александра Яковлевна Бруштейн, драматург:

«...чужачества Суворова поданы мягко, без буффонства. Народность его органична и не наиграна. И столь же естественны и не напряжены те моменты, когда Суворов – Скоробогатов вырастает в луче прожектора, преображенный, героически просветленный. Ни одной фальшивой ноты, ни одного ходульного жеста!»

Репертуар академического театра состоял во многом из постановок русской классики: А. Н. Островского, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, но и современные авторы были чрезвычайно востребованы. Ведь уже в 1941 году было написано несколько пьес, о героической борьбе с фашизмом и даже об успехах Красной армии. Это немедленно отразилось на репертуаре – в нем появились современные спектакли на военную тематику советских драматургов: К. М.

Симонова, Л. М. Леонова, А. Е. Корнейчука и др.

Леонид Сергеевич Вивьен, художественный руководитель театра им. Пушкина:

«... в репертуаре нашего театра Русская классика занимает одно из первых мест...»

«...работа над пьесой нашего времени – не только обязанность, но и настоящая внутренняя потребность творческого коллектива. Преждевременно говорить о точных названиях всех пьес, которые будут поставлены театром...»

Хорошо приняли новосибирцы спектакль по пьесе А. Е. Корнейчука «Фронт», премьера которого состоялась осенью 1942 года. Может быть и потому, что помимо драматургии противопоставления героев – воюющих «по-старинке» и молодых, образованных офицеров, в нем звучала и открытая сатира на недочеты внутри нашей Красной Армии, а серьезную тему сопровождала даже некая эстрадность, выражающаяся в бравурных маршах и «щелканье каблуками».

Акульшин, подполковник РККА:

«К недостаткам спектакля стоит отнести излишний театральный налет. Едва ли военная подтянутость и дисциплинированность выражается у крупных командиров только в щелканье каблуками при обращениях, как это получается у артиста Крюгера. В самой пьесе и на сцене неубедительно выглядит «метод» воздействия на сознание бойца Печенки со стороны гвардии сержанта Остапенко».

Михаил Александрович Григорьев, театральный художник:

«Сегодня в Александринке давали «Фронт». Ставил Кожич. Оформлял колхоз художников – Григорьев, Константиновский, Кустодиев. Иначе было не уложиться в сроки. Все очень сыро, не доделано, следы отчаянной спешки. На премьере было столько генералов, что до сих пор в глазах рябит. Спектакль выходит довольно скучный, уж очень драматургический материал, поучительный».

Постановку критиковали не только профессионалы, некоторые увидели в ней даже диверсию против Красной Армии. Открыто выступили против этой пьесы некоторые старые военачальники, видимо, узнавшие себя.

Иван Павлович Камера, генерал, командующим артиллерией Западного фронта:

«Я бы не знаю, что сделал с этим писателем, который написал эту пьесу. Это безобразная пьеса, я бы с ним разделался за такую пьесу».

Иван Степанович Конев, генерал-полковник, командующим Западным фронтом:

«Неправильно, вредно так высмеивать командующего фронтом. Если плохой командующий, в вашей власти его снять, но, когда командующего фронтом шельмуют, высмеивают в произведении, напечатанном в «Правде», это уже имеет не частное значение, речь идет не о ком-то одном, это бросает тень на всех».

Но автора неожиданно поддержал **Сталин**:

«Это политический вопрос, политическая необходимость. В этой пьесе идет борьба с отжившим, устарелым, с теми, кто тянет нас назад. Это хорошая пьеса, в ней правильно поставлен вопрос (...) Вы военные, вы все понимаете, вы все знаете, а мы, гражданские, не понимаем. Мы лучше вас это понимаем, что надо и что не надо».

Александр Евдокимович Корнейчук за пьесу «Фронт» был удостоен Сталинской премии. А спектакль широко пошел и в народ, и на сам фронт, сцены из него активно игрались выездными концертными бригадами. На сцене «Красного Факела» он был сыгран 68 раз.

Запомнился сибирякам и психологически сложный спектакль по драме Л. М. Леонова «Нашествие», герой которой, ранее отсидевший три года, забыв свою обиду на несправедливый суд, уверенно встает на защиту Родины.

Эсфирь Иосифовна Буранова, драматург театра «Красный факел»:

«Трудная это задача – заставить зрителя поверить, что люди, не украшенные никакими решительно театральными доспехами героев, действительно живые люди, а не просто действующие лица спектакля...»

Еще в 1941 году коллектив театра за активную военно-шефскую работу был награжден знаменем Наркомата обороны СССР. Не прекращалась она и в последующие годы.

Отчет заведующего литературной частью Симона Давидовича Дрейдена говорит «о досрочном выполнении и перевыполнении коллективом театра всех взятых на себя социалистических обязательств по подготовке к дню Красной армии (1942 г.): План военно-шефских концертов выполнен на 150%. Свыше 30 000 рублей в фонд обороны дали спектакли, устроенные в выходные дни. Более 40 посылок героям Отечественной войны отослали за последние дни на фронт работники театра».

В справке областного отдела по делам искусств от 15 июня 1942 года также указывается: «Наряду с основной производственно-творческой работой театры ведут большую военно-шефскую работу в воинских частях, госпиталях и агитпунктах (за восемь месяцев театром им. Пушкина дано: 13 шефских спектаклей, 320 концертов, обслужено 33 колхоза в период весеннего сева (...))

По инициативе театра им. Пушкина все театры области приняли шефство над предприятиями, включившимися во Всесоюзное социалистическое соревнование. Так, например, Театр им. Пушкина шефствует над Metallургическим комбинатом им. Сталина. (...) Поставленная задача Бюро Областного Комитета Партии перед театрами, работающими в Новосибирской области по созданию высококачественного оборонно-патриотического и антифашистского репертуара коллективами театров будет выполнена».

Кроме того, театр шефствовал над военными.

Южина В. :

«Доцент Ленинградского театрального института режиссер т. Петровых просмотрел и проконсультировал ряд коллективов и отдельных представителей красноармейской художественной самодеятельности. Он очень хорошо отзывается о красноармейце Заживхине. Последний играет на музыкальных инструментах, поет и показывает фокусы. Вот такой артист, овладевший различными видами самодеятельного искусства, может по-настоящему занять бойцов на отдыхе в любой обстановке, – говорит тов. Петровых».

«В одном из госпиталей заслуженная артистка Рашевская и артистка Певцова организовали драматический кружок из выздоравливающих бойцов и командиров (...) Были поставлены две небольшие пьесы: «Связисты» и «Бедный Федя». Первое выступление «своих» артистов имело очень большой успех. На вечере присутствовало более 700 человек. Некоторые больные настояли, чтобы их принесли в зал на носилках».

«В палату приходят чтецы, музыканты, танцоры. Бывают здесь и мастера русской сцены – Е. Корчагина-Александровская, Скоробогатов, Черкасов – лауреаты Сталинской премии, любимые артисты страны (...) Редкий день не навещают раненых такие работники искусства, как заслуженная артистка республики Жихарева, заслуженная артистка республики Уварова (из Ленинградского Нового ТЮЗа), Коростынев, Кудрявцев и Северов – из «Красного факела» и многие другие».

Артисты Александринки Константин Адашевский и Александр Борисов вместе с известным новосибирским баянистом Иваном Маланиным создали еженедельную сатирическую радиопередачу «Огонь по врагу», которая пользовалась большой популярностью у жителей города.

В 1942 году из состава труппы был организован фронтовой филиал для выступлений в частях действующей армии. Программы состояли из набора эстрадных миниатюр, скетчей, песен, простых одноактных пьес, легко воспринимаемых и дающих солдатам как отдых, так и запал на дальнейшую борьбу. Фронтовые бригады под руководством Н. К. Черкасова, К. В. Скоробогатова, А. А. Яна побывали в 1942 году в Заполярье, в 1943-м в Невеле и под Вязьмой, в 1944-м в Кенигсберге.

Александра Николаевна Орлова, заслуженная артистка РСФСР:

«Горе и слезы были постоянными спутниками наших поездок. И вместе с тем мы испытывали огромную радость от незабываемых встреч с нашими защитниками – воинами Советской армии. Выступления проходили в любых условиях: в уцелевших помещениях и на открытом воздухе, при свете дня и при коптилках. Мы рассказывали нашим зрителям, как живет и трудится Новосибирск, с какой самоотверженностью работают люди в тылу. Везде и всюду нас встречали как близких и родных.

После долгих расспросов и задушевных разговоров мы начинали свои выступления. Где-то недалеко слышны разрывы, небо пылает красным огнем, а мы продолжаем играть и счастливы тем, что зал перекрывает грохот канонады. Бесконечные рукоплескания, смех, счастливые лица. Всматриваемся на поклонах в сияющие лица зрителей. И снова крики «бис», нас не отпускают.

Какое это счастье сознавать, что наше искусство нужно, что оно дает радость и отдых тем, кто находится на переднем крае, кто каждый миг рискует жизнью ради того, чтобы на земле вновь воцарился мир».

В 1943 году при театре была открыта студия, в которую приняли молодых артистов – студентов местного театрального института.

«Новосибирским театром-студией руководят наши артисты О. В. Гзовская и В. Г. Гайдаров, в «Красном факеле» творческо-воспитательную работу проводили Н. С. Рашевская и Ю. М. Юрьев».

С концертными программами студийцы также выступали по всему городу. Ими был поставлен спектакль по пьесе А. Н. Арбузова «Домик в Черкизове».

Левин Ал. :

«Большое радостное чувство рождалось на этом спектакле... Восторженно принял новосибирский зритель первую работу молодых артистов. Продолжительные аплодисменты – лучшая награда постановщику и молодым исполнителям спектакля «Домик в Черкизове».

Новосибирцы ежедневно встречались с лучшими образцами сценического искусства.

Ленинградский академический театр драмы имени Пушкина провел за годы эвакуации 3 253 зрелищных мероприятия, которые посмотрело около двух миллионов зрителей. Из них 941 спектакль прошел на основной сцене (995 202 зрителя), а 376 на фронте (свыше 200 000 зрителей). В основном репертуаре было 23 постановки, из них 11 – премьерные, созданные в Новосибирске.

4 июля 1944 года театр Пушкина дал в Новосибирске последний спектакль – «Отелло» Шекспира, после чего выехал обратно в Ленинград. Уезжая, артисты

получили десятки благодарностей от руководства и организаций области, тысячи теплых слов от сибиряков.

Областной комитет Союза работников искусств:

«Здесь, в глубоком тылу, вы вместе с сибиряками – гвардейцами тыла ковали победу над ненавистными немецкими захватчиками (...) Новосибирцы надолго запомнят прекрасное мастерство актеров вашего театра, их самоотверженную творческую работу».

Новосибирский горком ВКП(б):

«Старейший русский театр нашей страны принес в далекую Сибирь высокую культуру сценического мастерства (...) Трехлетнее пребывание на сцене Новосибирска театра им. А. С. Пушкина заложило основы большой творческой дружбы мастеров русской сцены с молодыми, растущими кадрами искусства Сибирского города».

Вместе с горячими словами ленинградцы увезли и новые кадры.

Канин Н. Т., директор театра драмы им. А. С. Пушкина:

«В сентябре 1941 года из Ленинграда в Новосибирск приехало 152 работника театра (из них 56 актеров), сейчас уезжают в Ленинград 340 работников (из них 91 актер)».

Другой ленинградский, прибывший в эвакуацию, стал для Новосибирска вторым детским театром. Это Новый театр юного зрителя, который называли «самым модным» театром Ленинграда. Им руководил заслуженный артист РСФСР Борис Вульфович Зон. Первый тоже приехал из города на Неве, но еще в 1934 году. В нем работала наша знаменитая, любимая всеми поколениями новосибирцев актриса Зоя Федоровна Булгакова.

З. Ф. Булгакова:

«Многие из нас, в том числе и я, уступили свои квартиры эвакуированным. Мы были готовы к этому. Но настроение наше омрачило то обстоятельство, что неожиданно для нас вместе с ленинградским драматическим театром им. Пушкина, в одном поезде, приехала труппа ленинградского ТЮЗа. Их-то никто не ожидал! Они свалились как снег на голову! Правда, сначала ленинградцы поехали в Кузбасс и проработали там полгода. Но все это время их директор театра обивал пороги нашего обкома партии: «Вы нас выгнали к шахтерам, театр может погибнуть!» И он добился своего: нас отправили в Кузбасс, а ленинградцев вернули в Новосибирск. На наше место. На нашу сцену».

По просьбе секретаря Анжеро-Судженского горкома партии т. Кондратьева – «мы бы попросили, чтобы к нам в Анжерку посылали бы ТЮЗ». И хотя на Кузбассе Новый театр принимали хорошо, артисты рвались в «большой город».

М. А. Григорьев:

«Наш отъезд в Новосибирск, видимо, задерживается. Теперь говорят уже о 19-м числе (июль 1942. – К. Г.), да и то без особой уверенности. Живем мы в ожидании отъезда, по-цыгански, в номере гостиницы. Очень неудобно, гостиница паршивая. Рисую, сидя на кровати, на книжке, которая лежит на коленях. Адски неудобно (...) Делаю портретные наброски с актеров. Этюды писать нельзя. НКВД не дало разрешения. А здесь очень интересные индустриальные пейзажи, жаль. Но, вообще говоря, у меня писать нечем и не на чем (...) Время уходит как-то зря. Все дожидаюсь переезда и уверяю себя, что в Новосибирске начнется какая-то другая, лучшая жизнь. По всей вероятности, это только иллюзии».

Сезон 1942-43 годов коллектив открыл уже в Новосибирске, на сцене Дома Ленина. А на их место, в Анжеро-Судженск отправили наш, Новосибирский ТЮЗ, где он активно проработал полтора года. Главный режиссер театра Павел Владиславович Цетнерович поставил здесь замечательные спектакли «Слуга двух господ» Гольдони, «Парень из нашего города» и «Русские люди» Симонова, «Комедию ошибок» Шекспира.

А первым спектаклем Нового ТЮЗа стал «День живых» Александры Бруштейн.

М.А. Григорьев:

«Наш театр, после мучительного ремонта, наконец, открылся 31-го (октября. – К.Г.), то есть на днях. Все замучились, Ионов превратился в высушенную холерную запятую. Спектакль скучный, публике не понравился. Зон расстроился».

В этом сезоне новосибирцы успели увидеть любимца девушек Павла Петровича Кадочникова, который скоро уехал на «Ленфильм», продолжать работать в кино.

Дмитрий Борисович Угрюмов, драматург:

«С настоящим, глубоким проникновением в образ, с большой актерской выразительностью играет артист Кадочников эту роль. Дарование актера, чрезвычайно интересное по широте своих возможностей, сказалось в этом спектакле с особой убедительностью».

Также Новый ТЮЗ выступал на площадках домов культуры, в воинских подразделениях. Популярностью пользовался и женский ансамбль гуслей «Сами с усами», организованный внутри труппы. А из репертуара театра зрители особо

выделяли аллегорическую сказку «Король-паук» молодого режиссера Владислава Андрушкевича.

Может быть, и оптимистическую, но не совсем детскую.

Елена Александровна Фролова, театровед:

«Поехать с мамой на трамвае из соцгородка в центр Новосибирска, в театр – какой потрясающий подарок. Мне все нравится тут: и фасад, и просторное фойе, и даже название – «Красный факел». Думаю, что играли тогда не актеры основной труппы – скорее какой-то приезжий ТЮЗ. Давали спектакль «Король-паук». Никогда больше я не встречала это название, поэтому автора не знаю. Да в том ли суть? Как сейчас вижу девочку и мальчика (наверное, травестишек), попавших в страшную сказочную страну. И вот на них сверху начинает опускаться огромный паук с мохнатыми лапами, а на каждой лапе – красные лампочки. Сцена огромная, почти пустая. Герои мечутся по ней, пытаются спрятаться. Тщетно. Все ниже, все ближе страшные лапы. Я реву навзрыд. На нас оглядываются, шикают. Сидящая неподалеку женщина раздраженно обращается к маме – Как можно приводить в театр такую нервную девочку? Мы протискиваемся по рядам и выходим из зала. Мы больше не возвращаемся туда. Я продолжаю всхлипывать. Я ведь так и не узнаю, спаслись ли мои любимые девочка и мальчик. Мама говорила, что спаслись. Но я так и не пережила момента торжества добра. И для меня к мечущимся двум фигуркам все еще тянутся огромные красные лапищи».

Весной 1945-го Ленинградская газета «Смена» сообщит:

«В ближайшие дни в Ленинград возвращается в полном составе Новый ТЮЗ во главе с заслуженным артистом РСФСР Б. В. Зоном, лауреатом Сталинской премии, заслуженным артистом Л. С. Любошевским, заслуженными артистами Е. А. Уваровой, В. П. Бюл, Т. С. Волковой и др. Спектакли театра состоятся в Выборгском доме культуры. В числе новых своих постановок театр покажет пьесу А. Брунштейн «День живых», сказку «Король-паук», пьесу Евг. Шварца «Далекий край» и комедию Мольера «Тартюф».

Но, к сожалению, город не примет вернувшийся театр. Решение властей было жестким: «двух детских театров для города много, коллективы Брянцевского и Нового ТЮЗов объединить».

{article type=»k2″ id=»36021″}[div class=»introduced»][link]

[title] [/link] [/div] {/article}

Еще при Новосибирском ТЮЗе была организована студия кукольников, где в основном актеры ТЮЗа и работали. В декабре 1941-го к нам из Москвы прибыл

Государственный Центральный театр кукол с художественным руководителем заслуженным артистом РСФСР Сергеем Владимировичем Образцовым. Наш театр кукол стал его филиалом.

Театр разместился в заброшенном здании старой мечети (ул. Фрунзе, 1), управление – в Клубе им. Сталина (ныне ДК Октябрьской революции). Артисты много ездили по городам Сибири, активно участвовали в проведении общегородской новогодней елки и зимних школьных каникул 1942-43 годов.

Артисты московского театра смогли осуществить в Новосибирске свою еще довоенную задумку и поставили спектакль «Король-Олень», который должен продолжить тему популярнейшей «Волшебной лампы Аладдина».

Постановка шла трудно. Сказывались скудость материальной базы, отсутствие музыкальных инструментов, психологическая усталость. На этом фоне актер Сперанский как-то потерял единственную папку с партитурой спектакля.

Наталья Васильевна Кирсанова, художник-декоратор театра Образцова:

«Однажды ночью, помните? Вы ворвались к нам в номер с криком: я решил повеситься! И услышала поразительно спокойный ответ Тузлукова: Ну что ж, это вполне возможно... Сердце у меня упало. И только когда вы стали обсуждать технические детали, я поняла, что речь идет о роли, а не о жизни актера Сперанского...»

Евгений Вениаминович Сперанский, актер театра Образцова:

«Ночью прибежала в гостиницу рабочая сцены Вера Карнаухова, бежала актерские номера, стуча в двери, приглушенно взывая: «Вставайте, мечеть горит!» И бежали ночью работники театра по безлюдному городу, еще издали увидев зарево. Несколько пожарных машин стояло около здания. А затем, по колено в воде, спасали... ЧТО? «Театральное имущество»? Слабовато звучит! Скорее всего, свои творческие замыслы, надежды, а быть может, и будущее театра: ведь спасали кукол и декорации «Короля-Оленя»! они пострадали не только от огня (почти все успели вытащить), сколько от воды».

Виктор Алексеевич Громов, главный режиссер театра Образцова:

«В самые последние дни обнаружилась невозможность попасть на сцену: удалось сделать только одну репетицию и в тот же день, вернее в последнюю ночь, произвести монтаж и установку света. Но, видимо, настоящее увлечение – большая сила, и спектакль пошел первого июня, а затем в течение месяца был сыгран 16 раз».

Премьера кукольного спектакля блестяще состоялась 1 июня 1943 года на сцене клуба Сталина. В ее осуществлении помогли и коллеги.

Е. В. Сперанский:

«Победно звучали в увертюре трубы оркестра Ленинградской филармонии. Ее оркестранты пришли театру на помощь – в оркестре ГЦДТ не хватало музыкантов. На премьеру пришли москвичи, ленинградцы, киевляне, эвакуированные в Новосибирск. Людям, уставшим от тяжких условий военного быта, истосковавшимся по родным местам, живущим в вечной тревоге за своих близких на фронте, этот спектакль казался окном, приоткрытым в новую мирную жизнь, жизнь, которая уже была не за горами. Сказка Гоцци предстала перед зрителями, залитая ослепительным светом «прямых», «боковых», «силуэтных» – вся мощь осветительной аппаратуры в зале Новосибирской филармонии была мобилизована».

В 1943 рабочим сцены сюда пришел работать подросток Валентин Иванович Лещинский. Тогда же он выступил с первыми концертными номерами, исполнив «Чечетку» и «Русский танец». Впоследствии Лещинский станет одним из самых ярких актеров новосибирского театра. Помимо умения изготавливать и работать с куклами имел и большое музыкальное дарование. Ко многим спектаклям им написана и подобрана музыка, а три он поставил в качестве режиссера.

У нас в Новосибирске Образцов готовил «самый знаменитый кукольный спектакль XX века» – «Необыкновенный концерт», который объездил весь мир. Его посмотрело самое большое число зрителей в мире. Здесь же, в Новосибирске, нашелся исполнитель и голос кукольного конферансье, одним своим видом мгновенно вызывающего зрительские улыбки. Классическим исполнителем роли Эдуарда Апломбова долгие годы был Зиновий Гердт, познакомившийся с образцовским театром в одном из новосибирских госпиталей.

«В недалеком будущем мы, оставив госпиталь, вновь возвратимся на фронт и в трудную минуту вспомним о вас, расскажем товарищам о проявленной к нам заботе и со своей стороны постараемся отблагодарить вас, записав на ваш счет несколько уничтоженных фашистских гадов. Думаем, что это будет самым лучшим подарком для вас».

Гнутикова Светлана, хранитель фондов музея ГАЦТК им. С. В. Образцова:

«Образцов вспоминал, что у него был концерт для одного очень тяжелого раненого. Возможно, последнее, что тот видел в жизни. И после того как артист увидел, насколько больной оживился, отвлекся от своего состояния, то он понял, что это было очень правильно, то, для чего они выступают, для чего работают».

Главный врач новосибирского госпиталя:

«Спасибо большое. Вы вроде лекарства. Вон Степанов 11 дней не улыбался, а сегодня он смеялся. Может, он будет жить».

Работа театра оказалась очень востребована не только в госпиталях, но и в воинских частях, училищах, лагерях Сибирского военного округа. По просьбе окружного политуправления, московским театром был проведен 15-дневный семинар, на котором готовили бригады военных кукольников. Из 16 дивизий СибВО в Новосибирск были откомандированы по три солдата плюс баянист. Мастерскими театра было изготовлено 16 походных ширм и 16 комплектов кукол (всего более 200).

Сергей Владимирович Образцов, заслуженный артист РСФСР:

«Наша задача – в самый короткий срок научить вас работать с куклами и приготовить с вами веселую, фронтовую кукольную программу».

«Театр провел большую работу по подготовке фронтовых красноармейских кукольных групп. В кратчайший срок бойцы, присланные из частей округа на семинар в количестве 60 человек, овладели новым для них искусством кукловодов, подготовили специальный репертуар на злободневные антифашистские темы, с которым они выступали с успехом в частях».

Эти бригады с программами политической сатиры регулярно выезжали на фронт. Среди специально изготовленных для таких концертов кукол была, в частности, широко известная комическая фигура Гитлера. Острые, памфлетные спектакли «Опасная болезнь», «Сон Гитлера», «Обед», обещание накормить противника «крутой свинцовой кашей» не оставляли солдат равнодушными – они от души дружно смеялись.

Сама труппа театра тоже регулярно выезжала по городам Сибири, в прифронтовые районы, а в 1944 году на полугодовые гастрели в Калининскую область, где имела большой успех. За годы войны театром дано 679 военно-шефских концертов и постановок (из них 317 на фронте).

Белорусский государственный еврейский театр (Белгосет) перебрался в Новосибирскую область в декабре 1941 года. В Сибири, в Томске, уже находился Первый белорусский драматический театр (им. Я. Купалы), с которым у коллектива были давние, тесные творческие связи. Дирекция еврейского театра пошла «ва-банк»: благодаря тому что тогдашний первый секретарь обкома партии М. В. Кулагин еще недавно работал в ЦК КП(б) Белоруссии, театру была предоставлена возможности работать в Новосибирске.

Начинается подготовка к возобновлению спектаклей. Материальная база была почти «на нуле» – костюмы, реквизит – все погибло в Белоруссии. Усилиями художественного руководителя театра Виктора Яковлевича Головчинера часть материалов и костюмов выделил Областной совет искусств. Главный дирижер театра Соломон Эмерман по памяти восстановил партитуру всех постановок.

Оскар Борисович Фельцман, композитор:

«Война... Новосибирск... Ночь... Мороз... Градусов тридцать... Я бегу в Белорусский еврейский театр... Мне беспокойно... Сталин издал приказ – за опоздание на работу на пять минут отдавать под суд и судить строго... А я в театре заведующий музыкальной частью, дирижер и композитор... До этого я нигде и никогда не служил. Теперь – на работе... У меня начинается психоз. Днем я смотрю расписание на завтра. А вечером думаю, что, возможно, что-то изменилось, а я об этом не знаю. Если вовремя не явлюсь – тюрьма!»

8 марта 1942 года Белорусский государственный еврейский театр в Новосибирске поднял занавес. В Доме Ленина, на сцене Новосибирского ТЮЗа, сибирякам был представлена историческая пьеса известного еврейского поэта Шмуэля Галкина «Бар-Кохба». Ее события (борьба иудеев против римлян) хотя и происходили почти два тысячелетия назад, хорошо накладывались на настоящее время.

Коллектив театра очень боялся реакции зрителей, это были не привычные носители еврейской культуры, а далекие жители Сибири, которые не понимали идиша (специально были распечатаны русскоязычные программки), но опасения не оправдались – зрители хорошо поняли тему спектакля и театр был тепло принят.

А. Я. Бруштейн:

«Когда Бар-Кохба убил римлянина Антония, сидевшая рядом со мной девочка-школьница, вскочив, восторженно зааплодировала. Оказалось, она – русская и не понимает еврейского языка! Безошибочное чутье подсказало ей, что Бар-Кохба – «наш», а Антоний – «фашист». Но и для взрослого зрителя спектакль звучит сегодняшней борьбой... Горе поработителям, когда встает перед ними народ в великом единстве своем!»

Последующие постановки Белгосета в основном соответствовали заявленной теме: «искусство, зовущее на бой». Национальную тему представлял классический «Тевье-молочник» Шолом-Алейхема, «Гершеле Острополер» Гершензона, вечер-концерт еврейской миниатюры «Лэбэдик ун фрейлах» («Жизнерадостно и весело») и др. Был подготовлен и спектакль на русском языке – «Без вины виноватые» Островского.

Хорошую критику получил спектакль «Нэкоме» («Мечь»). Это пьеса написана актером самого театра Изей Левиным. Музыка для него писал Оскар Фельцман.

О. Б. Фельцман:

«В Еврейский театр меня пригласили писать музыку к спектаклю. До этого еврейской музыки я никогда не писал. Я прочел пьесу... Без колебаний принялся за работу. Шла война за свободу людей, в том числе за свободу евреев... Против фашизма...»

Как и все другие творческие коллективы, артисты Белгосета работали в воинских частях, госпиталях, на селе.

Газета «Правда» писала:

«В Новосибирске сейчас работает ряд лучших театров страны. Все театры ведут большую шефскую работу в частях Красной Армии. Общей любовью пользуется коллектив Государственного еврейского театра БССР».

Артисты вспоминали, что «большим счастьем для актеров было выступление на заводе, производящем мыло. После выступления каждый артист получил кусок очень дефицитного в то время товара».

За три года дано около 400 шефских концертов. Сборы от ряда выступлений перечислялись в фонд Красной Армии.

104 концерта было дано артистами еврейского театра непосредственно на фронте. Эту бригаду возглавлял заслуженный артист БССР Марк Михайлович Моин. Особенно памятной была встреча с летчиками авиаполка «Нормандия – Неман».

А однажды еврейским артистам пришлось столкнуться с врагом лицом к лицу.

Анатолий Моин, племянник М. М. Моина:

«Однажды актеров пригласили в штаб полка. В это время привели туда германского офицера с папкой документов. Но переводчика не оказалось. И тогда Марк Михайлович предложил свои услуги. Он немного знал немецкий язык, да и идиш очень на него похож. Командир полка объявил Моину благодарность».

Работа Белгосета высоко оценивались и публикой, и критикой.

Леонид Соломонович Любашевский, заслуженный артист РСФСР:

«Я видел ряд спектаклей Белгосета. В режиссерской работе здесь всегда чувствуется бережное отношение с драматургическим материалом, тщательная работа с актером, любовь к национальной культуре – все это теплой струей пронизывает каждый спектакль. В этом заслуга художественного руководителя театра В. Головчинера и великолепных артистов Треппеля, Сокола, Арончик, Левина».

Дмитрий Михайлович Дудников, заслуженный артист РСФСР:

«Государственный еврейский театр БССР выходит за рамки национального еврейского театра своим большим масштабом искусства, охватывающим общечеловеческие черты. Поистине этот национальный театр – социалистический по содержанию. Те большие задачи в

искусстве, которые ставит перед собой Белгосет, он всегда с успехом разрешает. Поэтому у Белгосета в Новосибирске так много зрителей (и не только евреев), которые любят этот театр».

На заседании ВТО (Всероссийского театрального общества) в июле 1943 года известный театровед Иехизкел Добрушин сказал: *«Белгосет был в годы войны единственным еврейским театром, имевшим в то тяжелое время своего зрителя...»*

За годы эвакуации Еврейским государственным театром БССР в Новосибирске было поставлено 14 спектаклей, из которых семь – новых. Состоялось 244 спектакля. Посетило их 107 355 человек. Сборы составили 1 248 017 руб.

По ходатайству областных властей Новосибирска Комитет по делам искусств при Совнаркоме СССР перевел Государственный еврейский театр БССР в число театров первой категории. Художественному руководителю театра Виктору Яковлевичу Головчinerу было присвоено звание «Народный артист БССР».

Еврейский театр дольше других оставался в эвакуации, его здание в Минске было частично разрушено. В 1946 году труппа все-таки вернулась домой, но полноценно выступать уже не смогла. А в марте 1949-го на волне антисемитской компании еврейский театр БССР, как и остальные, был закрыт.

Стоит упомянуть и еще об одном «филиале» Новосибирской Александринки. Супруги Василий Васильевич Меркурьев и Ирина Всеволодовна Мейерхольд летом 1942-го были командированы Областным отделом искусств в Нарымский округ. У него расстреляли брата, у нее отца, а теперь по иронии судьбы им предстояло в краю ссыльных создать Нарымский окружной театр. Меркурьев был его художественным руководителем, Мейерхольд режиссером. А может, просто выслали от большого города подальше. В Нарыме ленинградцы проработали целых два года, родили сына Петра, заслужили Почетную грамоту областного совета депутатов трудящихся. Постановки театра, показанные летом 1943 года в летнем театре сада Сталина в Новосибирске, руководству понравились.

«Далеко спустя после войны И. В. Мейерхольд с теплом вспоминала нарымчан, морально и материально поддерживавших их многодетную семью в суровых условиях северного края».

История нашего «Красного факела», согнанного с родной сцены тоже сложилась не просто.

К. И. Орлова:

«А сами затем уехали в Сталинск (ныне Новокузнецк) и Прокопьевск (...) Война была для нас временем испытания на прочность: работы было так много, что некогда было даже пожаловаться на усталость. С первых же дней мы стали давать концерты в цехах, иногда по три подряд сразу, один за другим, для смен, выходящих на работу. После завода – репетиции, затем спектакль, а еще путевки в рабочие общежития. Все мы трудились на воскресниках – строили бараки для

эвакуированных рабочих. На них работали с энтузиазмом все – и заслуженные, и ведущие артисты, и наши руководители, и даже великое соревнование между собой».

Театр просил хоть ненадолго приехать домой: *«разрешить показ в г. Новосибирске театром «Красный Факел» спектакля «Фельдмаршал Кутузов» – 2-3-4 февраля 1942 г. На эти дни театру им. Пушкина представить для вечерней работы площадку ТЮЗа или организовать выездные спектакли в клубы города. Спектакль «Фельдмаршал Кутузов» у зрителей г. Сталинска пользуется большим успехом».*

«Кроме нескольких сот спектаклей в Сталинске и Прокопьевске, театр устраивал концерты на шахтных раскомандировках, в цехах Кузнецкого металлургического комбината, для госпиталей. На металлургическом комбинате бригады «Красного факела» выпускали в обеденные перерывы своеобразную живую газету «Шахтерский глаз» – на местные злободневные темы. Всего за 19 месяцев «Красный факел» дал свыше тысячи шефских концертов». Художественный руководитель театра Серафим Дмитриевич Иловайский получает звание заслуженного артиста РСФСР.

Наконец-то в апреле 1943 года коллектив возвращается в Новосибирск. Но пока не домой. Его заселяют в «абсолютно непригодное для театра помещение клуба им. Клары Цеткин» на левом берегу, но уже в июле 1943-го на новой сцене был поставлен спектакль «Кремлевские куранты».

К. И. Орлова:

«Мы взялись за пилы и топоры, за мастерки и кисти: сооружали пристройку, расширяющую сцену и помещение для декораций. Ютились в коммуналках, в которых даже ванная считалась жилой комнатой».

Конечно, пушкинцы тоже нуждались.

Идея Тимофеевна Ложкина, жительница Новосибирска:

«Часто не хватало даже хлеба. Я помню такой эпизод, когда они (ленинградские актеры. – К.Г.) потеряли карточки, а наша мама и семья Мочаловых поделились последним куском хлеба. Мы – уже три соседские семьи, питались тогда на две карточки».

Сохранилась записка в обком партии: *«Одновременно дирекция театра просит Ваших указаний городским организациям помочь коллективу театра в обеспечении остро нуждающихся работников промтоварами, овощами и детскими носильными вещами».*

Но чтобы так...

К. И. Орлова:

«В середине 1944 года ленинградцы вернулись домой, в стены Александринки, а мы – в «Красный факел». Но радость возвращения была омрачена: наши гости оставили нам голые стены и в квартирах, и в театре, прихватив с собой буквально все, что можно было увезти. Первое ощущение от увиденного – шок. Но едва оправившись от него, мы не стали злиться, проклинать, писать вдогонку гневные петиции. Бог с ним, с добром, наживем новое. В конец концов ленинградцам тоже нужно было все это – возвращаются-то на пепелище. Зажав себя в кулак, начали жизнь почти сначала».

Бюро обкома ВКП(б) также резюмировало, что «Новосибирский драматический театр «Красный Факел» за годы войны (...) сумел сохранить основной творческий состав и повысить идейно-художественный уровень своих постановок», ряд артистов представлен к наградам, а театру было разрешено 20 апреля 1945 года отметить свой 25-летний юбилей.

Все годы войны работал и Новосибирский театр оперы и балета. Он не успел открыть свой Первый театральный сезон 1 августа 1941 года, и здание на три года стало самой крупной сокровищницей планеты (см. материал [«Культурный ковчег. Часть 1: Спасенная сокровищница»](#)).

Елена Федоровна Каменская, научный сотрудник Государственной Третьяковской галереи:

«Здание стояло посреди площади в центре города, а площадь эта представляла собой огромный пустырь, состоящий из ям и бугров, образованных невывезенным мусором. Зимой все это пространство заносил снег, и оно было почти непроходимым. К тому же на пустыре гулял ветер, такой сильный, что он сшибал человека с ног и тот только на четвереньках выбирался оттуда. Об этом здании ходили мрачные легенды Кто-то кого-то убил, кто-то умер из строителей. Все это невольно вспоминалось при подходе к нему, и даже когда жизнерадостно светило солнце и лошадки бежали по Красному проспекту, здание это сумрачно высилось и не предвещало ничего доброго. На театр оно было совершенно не похоже, хотя внутри построено было как театр. Поражал своими нечеловеческими размерами зрительный зал, обнесенный колоннами. Между колоннами стояла скульптура по всей окружности зала. Странно была видеть ворвавшиеся в нашу серую действительность роскошные обнаженные античные фигуры с их классической красотой. Как все непомерно было в этой Сибири, так и эти копии были значительно больше человеческого роста. По странной особенности их подбора они были парные, каждая левая фигура повторялась точно справа».

29 июня 1942 года Совнарком СССР издает распоряжение «о достройке Оперного театра в Новосибирске». Здание включается в список первоочередных строек.

Осенью его уже решено использовать для проведения публичных мероприятий. Областной комитет по делам искусств решил не только разместить в здании

Белорусский театр, который сложно уживался на одной сцене с ленинградским Новым ТЮЗом, но и разрешить массовые представления.

Конечно, Третьяковская галерея сразу же забила тревогу – с большим трудом налаженное хранение музейных коллекций оказалось в опасности. Пошли письма в Москву.

Николай Сергеевич Моргунов, исполняющий обязанности профессора ГТГ:

«Прошу Вас (...) помочь в вопросе о хранении эвакуированных в Новосибирск историко-художественных ценностей центральных и местных музеев СССР (...) в одном громадном здании Дома науки и культуры (Красный проспект, 38), главная часть которого отведена будущему оперному театру, недостроенному до войны и находящемуся в состоянии консервации в течение ряда предшествующих лет».

Но местные власти настояли. Музейщикам пришлось срочно перемещать свои ценности, строить новые перегородки и т. д. И 6 ноября 1942 года оперный театр наполнился людьми. Здесь состоялось торжественное заседание, посвященное 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

«Свыше двух тысяч знатных людей нашего города с чувством законной гордости знакомились с просторными фойе, тщательно и любовно отделанными помещениями, с величественным амфитеатром зрительного зала. Статуи напоминают о том, что наш созидательный преобразующий строй является наследником всего прекрасного и классического в искусстве разных эпох. Нам, созидателям, а не презренным гитлеровским варварам принадлежит будущее».

Менее чем через месяц строчка «Новосибирский театр оперы и балета» прочно заняла свое место в списке репертуаров театров, ежедневно публикуемых в газете «Советская Сибирь».

Публичные представления были открыты концертом артистов ленинградских театров и филармонии: народных артистов СССР Е. П. Корчагиной-Александровской, Ю. М. Юрьева и др. «Билеты все проданы».

Далее московская оперетта, шахтерский ансамбль песни и пляски, Леонид Утесов, Исаак Дунаевский, [Вольфганг Мессинг](#) вперемешку с выставками и областными совещаниями и партактивами. Кстати, в декабре 1943-го в здании оперного театра Новосибирск впервые отметил свой юбилей – 50-летие.

5 февраля 1944-го правительственная комиссия принимает здание театра в эксплуатацию. 14 мая областной Комитет по делам искусств постановляет открыть в Новосибирске хоровую и балетную студии и организовать большой симфонический оркестр. Параллельно в театре шли занятия эвакуированного Ленинградского театрального института. Начинается новая страница жизни Новосибирского театра оперы и балета.

Вера Викторовна Ювачева, артистка балета:

«Поначалу балетная труппа имела только человек десять опытных профессионалов. Остальные артисты – без школы. Приходилось учить их, как говорится, на ходу, вести занятия в студии, организованной при театре».

Многие из молодых рабочих и служащих занимались в студиях «без отрыва от производства» и перешли работать в театр лишь после его открытия. Зачастую занятия проходили очень поздно, практически ночью. Практику проходили на сценических площадках города: в клубах, ДOME Красной армии.

За год руководству театра удалось собрать и создать профессиональную творческую труппу, в которой к моменту официального открытия было уже более тысячи человек и которая 12 мая 1945 года волнующе и достойно представила праздничному городу оперу М.И. Глинки «Иван Сусанин».

Борис Константинович Рясинцев, заведующий литературной частью оперного театра:

«Все мы были во власти какой-то необоримой и радующей психологической «абerrации»: видели одно, а четко представляли другое!»

Финальную песню оперы «Славься, славься ты, Русь моя! Славься ты, русская наша земля!» пели все – артисты на сцене, приглашенные в зале, народ на площади.

И все же заключительные слова – снова ленинградцам.

Антон Николаевич Губанков, председатель комитета по культуре Санкт-Петербурга:

«Один из городов который действительно оказал неоценимую помощь Ленинграду – Новосибирск (...) Нас действительно очень многое связывает, мы испытываем большой чувство благодарности к Новосибирску и новосибирцам. Для нас Новосибирск – это город не далекий несмотря на расстояние, это город творческий, город высокой культуры»

Константин Голодяев, сотрудник музея Новосибирска

Фото 4, 5, 7, 8, публикуются впервые (Музей Новосибирска)